

Николаенко Е.В**Жалоба: между молчанием и речью***

Проблема жалобного самовыражения в психологической практике существует. Она может проявиться в индивидуальной работе психолога с клиентом сглажено или остро, но присутствует всегда. Почему же она так важна, и зачем её нужно пристально рассматривать и подробно обсуждать?

Прежде всего потому, что в ситуации профессионального общения присутствует психологически напряжённый аспект в идентификационном образе человека, вопрошающего себя «Я тот, кто жалуется или тот, кто не жалуется?»; и ответ на этот вопрос для многих однозначен, поскольку в общественном сознании закрепился образ жалобы как морального зла или проявления слабости. Психологи и их клиенты из-за этой ситуации оказываются в своеобразной ловушке: с одной стороны, о многих проблемах иначе как жалуюсь, не расскажешь, с другой стороны, существует и активно действует общественное «табу» на эту форму речи. Причём попытки настоящего «жалобного» самовыражения в психологическом взаимодействии могут быть пресечены как самим клиентом «Только не подумайте, что я жалуюсь!», так и психологом, когда он предлагает клиенту в его рассказе о превратностях жизни и судьбы пользоваться специальными терминами, которые не столько проясняют, сколько клишируют жалобную речь с позиции удобства её профессионального восприятия.

Справедливости ради заметим, что признание жалобной формы речи как естественной и необходимой в клиентской практике постепенно проникает в профессиональное сознание психологов [2]. Тем не менее, принятие жалобы как органичной для психотерапевтической беседы речевой формы нуждается в дополнительном обосновании, материалы к которому были обнаружены в небольшом философско-филологическом исследовании, выполненном с целью поиска причин дуальной напряжённости «молчание-речь» в жалобном опыте. Результаты предлагаются вниманию коллег-психологов.

Необходимость «выговаривания себя» как зависимость от того, кто может «выслушать» – это, безусловно, человеческая экзистенциальная ситуация. Соответственно контексты «речи» и «молчания» в жалобном опыте (когда необходимость «рассказа о плохом, которое человек чувствует или знает» очевидна) несут взаимодополнительную смысловую нагрузку, как для самого автора, так и для его адресата. Чтобы обозначить смысл и возможности жалобной речи на фоне молчания, обратимся к теоретическим размышлениям учёных на эту тему и сравним их с собственными исследовательскими выводами.

К молчанию как значимому «отсутствию слова» и особой логосфере в своё время обратился М.М.Бахтин; он представил её как единую, непрерывную, открытую и

* Материалы представлены научным руководителем – доктором философских наук, профессором кафедры психологии личности ЮФУ В.А. Шкуратовым.

незавершённую для внешнего наблюдения целостность [1, с. 337]. Принимая образ М.М.Бахтина, уточним, что молчание как «киное» жалобной речи необходимо несёт на себе отпечаток жалобного контекста; но при этом возникает закономерный вопрос: Почему в «жалобной ситуации» не всегда появляется речь (собственно жалоба)? Чтобы ответить на него, нужно выявить и обозначить ситуативные контексты, которые формируют в жалобном опыте характерно «осмысленное» молчание. На его фоне «извещение мира» о своём плохом неизменно прозвучит «страданием и надеждой», – этот вывод Л.Моревой о вынужденности речи в некоторых значимых человеческих ситуациях также актуален для жалобного общения [7, с. 104-110]. А поскольку авторское самовыражение в жалобе неизбежно отражает «степень внутренней боли, ищущей спасения от собственной нестерпимости» [7, с. 112], то можно говорить о таком её знаковом воплощении, посредством которого происходит психологическое отстранение субъекта-автора от «плохого» и переживание его с помощью намеренного «выговаривания» адресату.

Логика философского рассуждения в данном случае подкрепляется эмпириической иллюстрацией, которая выявилась в процессе сравнительного семантического анализа слов «молчание» и «речь» [5, 8]. В частности, историко-этимологическое сравнение внешне схожих слов «молчать» и «молвить» (исторический аналог «говорить», «держать речь») обнаружило, что их первичный смысл различен и предполагает: а) в молчании мягкость, слабость, незрелость и даже глупость вследствие происхождения слова от и.-е. корней *mlk-, *meld-, *mold и связь через них со словами «молодой» и «молить»; б) в говорении силу и мощь, так как слово «молвить» имеет сходжение к и.-е. корням *mel- со значением «связывать, соединять», (родственное слово «молния») и *mol- со значением «дробить, размалывать» (родственные слова «молот» и «молоть»), в древнерусском языке его знали в значении «возмущаться, шуметь, заботиться» [8, Т 1, с. 538-540]. В свою очередь слова «речь» и «реку» (говорю) происходящие от и.-е. корня *rek- и *rok- в значении «определять, располагать, устраивать» кроме понятия о речи как о слове, выражали понятие о речи как о вещи и даже как о деле; на славянской почве этот смысл проецировался в слова «рок» и «пророк» со значением «божественной силы, дающей совет» [8, Т.2, с. 109, 114]. В древнейшей ритуальной практике семантика «молчания» определялась в связи с состоянием первоестества, что выражалось в сакральном молчании как символе непосредственного слияния человека с божеством, с мировой душой [5], и воплощалось образами неба, солнца, дерева (семантика «лестницы в небо»), а также было совмещено с понятием силы одинокого человека. В языке такое молчание исходно отождествимо со словом «чуять» в значении «слушать божество», «слушать предка», а производное от него слово «чувство» теперь трактуется как простая способность «ощущать нечто в глубине своей души».

Итак, если «молчание» первого рода – не право, а возрастное ущемление возможности «молвить», то речь с этой позиции может быть истолкована как недоступный молодому и слабому человеку феномен сакральной коммуникации,

что дополнительно подтверждается семантическими параллелями «издавать звуки» и «Бог» (индо-евр. *bag- говорить, русское «Бог») [5]. С другой стороны, если возможность говорить – порождение человеческого сознания, то общение с божеством осуществимо только в «молчании» второго рода и это положение подтверждается древними ритуальными практиками; хотя в другой модификации существуют семантические связи «издавать звуки» – «плохой, больной» [6]; но и здесь нет противоречия, есть только очень глубокое историко-культурное схождение «большого» и «Бога», поскольку шаманскую способность к вещанию ассоциировали с телесной и душевной болью не только на уровне греческих, но и в более древних преданиях.

Похоже, что выбор между молчанием и речью в жалобном опыте не только как осознанная форма поведения, но и спонтанная человеческая реакция предполагает развитие особенных отношений между автором и адресатом. Поэтому умение психолога различать в тексте позицию автора жалобы и использовать в общении с клиентом её особенности необходимо требует дополнительных знаний о «жалобном» этнокультурном феномене как эпической привычке русского народа к тотальной вербализации «общекультурного сознания» посредством общения и «коллективного сцепления субъектов» [7]

Литература

1. Бахтин М.М. Из записей 1970-1971 годов // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., Искусство, 1979. С. 336-360.
2. Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 3.
3. Рузская А.Г., Абрамова Л.Н. Как относиться к жалобам дошкольников в детском саду / Вопросы психологии. 1983. № 4.
4. Николаенко Е.В. Опыт раскрытия исследовательского пространства русской жалобной традиции / Социально-гуманитарные исследования. Сборник НГТУ. Вып. 3. Новосибирск. 2006.
5. Маковский М.М. «Картина мира» и миры образов // Вопросы языкознания. 1992. № 6.
6. Маковский М.М. Метаморфозы слова // Вопросы языкознания. 1998. № 4.
7. Морева Л. Язык молчания // Параллели. Альманах русской компаративистики. Вып. 1. М. 1991.
8. Рыклин М. Поражение зрения. Пять размышлений о речевой культуре // параллели. М. 1991. № 2.
9. Маяцкий М. Некоторые подходы к проблеме визуальности в русской философии // Логос. М. 1994. № 6.
10. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1-2. М. 1994.

Nikolaenko E.V.

Complaint: Between silence and speech

The problem of plaintive self-expression exists in psychological practice. It may reveal itself in individual work of psychologist and a client subtly or evidently but is always present. Why is it so important and why does it need to be discussed so particularly?

Because, first of all, in case of professional communication a psychologically stressed aspect is present in identification image of a person, who asks himself: "Am I the one complaining, or the one who doesn't?" And the answer is one-valued for most, since complaint has an image of moral evil or a sign of weakness in social consciousness. Psychologists and their clients fall into a singular trap: on the other hand, one can't describe many problems otherwise than by complaining, on the other hand it exists and actively operates a social "taboo" on this form of speech. Moreover, efforts of real "plaintive" self-expression in psychological interaction can be stopped both by the client himself ("Just don't think, that I'm complaining!"), and by psychologist, when he suggests the client to use special terms in the story of his life and troubles, that rather cliché plaintive speech from position of professional perception, then make it clear.

In all fairness, we have to admit, that acceptance of plaintive form of speech as natural and necessary in client practice gradually pervades in psychologists' professional consciousness [2]. Nevertheless, acceptance of complaint as a normal speech form for psychotherapeutic conversation needs additional grounding, materials for which were found in a small philosophic-philological research, made for the purpose of locating the reasons for dual tension "silence-speech" in plaintive experience. The results are presented to my colleague-psychologists

Necessity of "speak yourself out" as a dependence on the one who can "hear you out" is certainly, a human existential situation. Accordingly, contexts of "speech" and "silence" in plaintive experience (when the necessity of "a tale of bad, that a man knows or feels" is obvious) carry inter-complementing semantic filling for both the author and his addressee. To denote sense and abilities of plaintive speech on the back ground of silence, let's appeal to theoretic speculations of scientists and compare them with our own research conclusions.

M.M. Bakhtin addressed to a silence as a notional "absence of word" and a special logosphere was addressed in due course by; he depicted it as a whole, ceaseless, open and incomplete for outer examination integrity [1; p. 337]. Accepting Bakhtin's image, we'll elaborate that silence as "the other" of plaintive speech necessarily bears an imprint of plaintive context; but then a natural question comes up: Why does speech (the complaint itself) not always appear in a "plaintive situation"? To answer it, it is necessary to elicit and denote situative contexts, that for distinctively "intelligent" silence. On this back ground "notifying the world" of the bad you have will invari-

ably sound as “a suffering and a hope” – this conclusion of L. Moreva about reluctant character of speech in some meaningful human situations is also actual for plaintive communication [4; p. 104-110]. And forasmuch author’s self-expression in a complaint inevitably reflects “degree of inner pain, looking for salvation from its own intolerability” [4; p. 112], then you can speak of such of it’s sign entailment, by which occurs the psychological discharge of subject from the “bad” and living intended “speaking out” to the addressee with it’s help.

In this case the logic of philosophical speculation is grounded by empiric illustration, which was revealed during comparative semantic analysis of words “silence” and “speech” [3, 6]. In particular, historically etymological comparison of words “молчать” (Russian “keep silent”) and “молвить” (Russian historical analog of “speak”) revealed that their initial meaning are different and supposes: a) clemency, weakness, verdancy or even stupidity in “silence”, caused by its ancestry from Indo-European roots *milk-, *meld-, *mold- and connection via those roots with words “young” and “pray”; b) strength and power in “speak”, as it’s Indo-European roots are *mel-, which means “connect, combine”, and *mol-, which means “crush, granulate”, in ancient Russian it was used as “gaggle, brawl, care” [6; Vol.1. p. 538-540]. In their turn, words “речь” and “реку” (Russian “speech, speaking”) descend from Indo-European roots *rek- and *rok-, meaning “define, collocate, arrange”, and besides definition of speech as a word, they expressed the definition of speech as a thing or even action; in Slavic this sense was projected into words “рок” (Russian “fate, doom”) and “пропок” (Russian “prophet”) with meaning of “divine power, that gives advise” [6; Vol.2. pp. 109, 114]. In most ancient ritual practice semantics of “keeping silent” was defined in connection with the state of primal-nature, which signified in sacred silence as a symbol of immediate mergence of human with the divine, with world soul [3], and was objectified in the images of sky, sun, tree (semantics of “stairway to heaven”), and was also combined with the term of a lonely man’s strength. In the language such silence is initially matched with word “feel” in the meaning of “listen to the divine”, “listen to ancestor”, and the derivative word “feeling” is then interpreted as a simple ability to “sense something deep within ones’ soul”.

Thereby, if “silence” of first kind – is not a right, but a age-based strangulation of the ability to “hold speech”, then speech from this position can be defined as phenomenon of sacred communication inaccessible to young and weak man, which is additionally grounded by semantic parallels “make noise” and “Бог” (Indo.-Eur. *bag-, Russian “God”) [3]. On the other hand, if the ability to speak is a product of human consciousness, the communication with the divine is only possible through “silence” of the second kind, and this position is proved by ancient ritual practices; although, semantic connections in other modification exist between “make noise” and “ill, bad” [4]; but there is no contradiction here, there is only very deep historically cultural convergence of “ill” and “God”, as soon as shamanic ability to augur was associated with body and soul illness long before even Greek lore.

It’s likely, that choice between silence and speech in plaintive experience not only as apperceived form of behavior, but also as a spontaneous human reaction suggests

development of special relations between author and addressee. Therefore psychologists skill to define complaint author's position in text and use it's features in communication with client necessarily requires additional knowledge about "plaintive" ethno-cultural phenomenon as an epic habit of Russian people of total verbalization of "common-cultural consciousness" via communication and "collective adherence of subjects" [5]

Literature

1. Bakhtin M.M. From works of 1970–1971 // Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creative activity. MOSCOW, Art, 1979. P. 336–360.
2. Vasiliuk F.E. Vital world and crisis // Psychological magazine. 1995. T. 16. № 3; Ruzskaya A.G., Abramova L.N. How to treat preschooler complaints in kinder gardens // Psychology questions 1983. № 4; Nikolaenko E.V. Expansion of research space of Russian plaintive tradition experience // Social-humane researches. NGTU Col. Vol.3. Novosibirsk. 2006.
3. Makovski M.M. «World image» and worlds of images // Linguistics questions 1992. № 6; Makovski M.M. Word metamorphoses // Linguistics questions. 1998. № 4.
4. Morevaa L. Language of silence // Parallels. Almanac of Russian comparativistics. Vol.1. MOSCOW. 1991.
5. Riklin M. Sight trauma. Five speculations about speech culture // parallels. MOSCOW. 1991. №2; Mayatcki M. Some approaches to visuality problems in Russian Philosophy // Logos. MOSCOW. 1994. №6.
6. Chernikh P.Y. Historical-etymological dictionary of modern Russian language Vol. 1–2. M. 1994.